

Л.Я. Шнейберг, И.В.Кондаков

Оправдание гуманизма

Проблема «интеллигенция и революция», столь занимавшая Горького и Блока как публицистов накануне, во время и после 1917 года, составляла суть многих художественных произведений, которые появлялись в период между 1922 и 1932 годами. Революция и гражданская война, расколовшие общество и страну надвое, заставляли каждого сделать жесткий выбор, неизбежно ставили вопросы: *с кем я? за кого я?* Особенно остро и бескомпромиссно встали эти вопросы перед представителями интеллигенции, с одной стороны, сочувствовавшими народу, его социальному движению и освободительным идеям; с другой — защищавшими ценности культуры от разрушения и дискредитации, отстаивавшими принципы гуманизма, духовности, нравственности как высшие критерии человеческого существования и исторического прогресса. О поведении и взглядах интеллигента, его позиции в годы гражданской войны написаны, в частности, такие разные, а в чем-то и прямо противоположные по смыслу книги, как «Разгром» Фадеева и «Конармия» Бабеля.

Для Фадеева как пролетарского писателя и активного деятеля РАПП очень важно противопоставление героев в классовом, социально-политическом плане. Противопоставление это всегда прямолинейно и однозначно: Морозка — Мечик (рабочий — интеллигент). Одному, Морозке, присущи трезвое, *реальное* отношение к действительности, растущая осознанность происходящего, понимание цели и смысла борьбы. Другой, Мечик, — *романтик*, переполненный не жизненно-реальными, а книжными знаниями [«люди в сопках (знакомые только по газетам) вставали перед глазами как живые — в одежде из порохового дыма и героических подвигов»], человек, не обладавший ясным, четким видением событий и не осознавший еще своего места в жизни («Мечик очень смутно представлял себе, что его ожидает»), а главное — не обремененный политическими и нравственными принципами.

Сопоставление Морозки и Мечика демонстрирует, по мысли Фадеева, превосходство одного и ущербность другого. Уже первая встреча Морозки и Мечика, когда первый (как бы между делом) спасает жизнь второму, во многом «программирует» место каждого из них в сюжете и предопределяет развязку. «Сказать правду, спасенный не понравился Морозке с первого взгляда. Морозка не любил чистеньких людей. В его жизненной практике это были непостоянные, никчемные люди, которым нельзя верить». Все дальнейшее повествование в фадеевском романе подтверждает правильность «первого взгляда» Морозки, обоснованность и справедливость мировоззрения, выработанного его «жизненной практикой»: интеллигентская сущность Мечика обусловила и его «непостоянство», и его безволие, и его «никчемность», и невозможность ему верить или доверять — как в большом, так и в малом. Главной причиной и безответственности, и трусости, и слабости Мечика Фадеев считает его эгоизм, индивидуализм, чрезмерно развитое чувство личности. Лобовое сопоставление Морозки и Мечика доказывает ценность, правоту коллективистского чувства. Морозка выражает психологию массы, пусть с присущими ей недостатками — стихийностью, неуправляемостью, бессознательностью порывов и инстинктов. На всем протяжении романа Морозка постепенно преодолевает свойственную ему лихость, необдуманность и в конце концов спасает отряд, жертвуя жизнью (характерна цепочка ключевых эпизодов романа: кража дынь на баштане — суд над Морозкой, устроенный Левинсоном, — эпизод с переправой, организованной Морозкой).

Напротив, Мечик чувствует себя чужим в отряде, причем отчужденность его нарастает в романе от главы к главе. Мечик постоянно отделяет себя от других и противо-

поставляет окружающим, потому что внутренне не может подчиниться тому, что кажется ему грубым, жестоким, некрасивым, с чем мирятся и что принимают как должное многие вокруг. Мешает слиянию с отрядом индивидуализм Мечика, тот самый индивидуализм, который приветствовал в свое время Горький, так как именно индивидуализм, по убеждению писателя, должен погубить интеллигента-мещанина, а вместе с тем — положить конец мещанству как паразитическому классу, и который так воодушевляет жалкое существование Мечика (гордость своей «чистотой», «благородством», «честностью», добротой и т. п.). Фадеев сознательно и целенаправленно ведет своего героя к предательству через: фотографию «девушки в светлых кудряшках», на которую Варя случайно наступает ногой, а Мечика стыдно попросить, чтобы подняли; смерть (точнее, убийство) тяжело раненого Фролова, когда Мечик не сумел смолчать; эпизод с несчастным корейцем, у которого отобрали свинью — мясо на зиму для всей семьи, — у Мечика сердце сжималось от жалости, но свинью он ел вместе со всеми... Показывая малодушие, слабость, беспринципность своего героя-интеллигента, Фадеев все время подчеркивает его самолюбование, оборачивающееся самооправданием: «...я, такой хороший и честный и никому не желавший зла...»; «чем отвратительней и подлее выглядел его поступок, тем лучше, чище, благородней казался он сам себе до совершения этого поступка»; «несмылаемо-грязное, отвратительное пятно этого поступка противоречило всему тому хорошему и чистому, что он находил в себе».

Совсем не случайно Мечик обрекает на гибель и своего спасителя Морозку, и весь отряд: «больше всего на свете он любил все-таки самого себя — свою белую и грязную немощную руку, свой стонущий голос, свои страдания, свои поступки — даже самые отвратительные из них». И совершив свое предательство, сознавая его, осуждая за это себя, Мечик «не мог подавить в себе личных надежд и радостей, которые сразу зашевелились в нем», а из неприятных ощущений в нем преобладает сознание того, что ему «жалко самого себя». Предательство, по Фадееву, — естественный финал, к которому приходит (и не может не прийти!) интеллигент, не связанный глубинными корнями с народом, с трудящимися массами, с пролетариатом и его партией, не понимающий значительности творимой народом истории.

Вероятно, современному читателю социально-политический пафос Фадеева покажется не важным: он смотрит на Мечика совсем другими глазами. В самом деле, если исключить столь значимые для Фадеева социально-политические, классовые мотивы поведения, оценки и суждения, с трудом приложимые к мальчишке-гимназисту, — в Мечике собрано то лучшее, искреннее, природное, что свойственно каждой молодой, открытой, наивной душе, верящей в справедливость, добро и красоту. В те самые «вечные» ценности, которые называются абстрактными и в качестве таковых нередко подвергаются осмеянию или обличению. Втянутый в водоворот событий междоусобной войны, запутавшись в противоречивых партийных программах и терминах, Мечик ужаснулся крови, грязи, насилию, несоответствию двух миров — внутреннего и внешнего. Вначале Фадеев намеревался убить своего незадачливого героя-интеллигента, точнее — принудить его к самоубийству (буквальному), но потом, словно устыдясь писательской слабости, привел к предательству, то есть убил нравственно.

Закрадывается мысль: расправляясь в своем романе с последним голосом естественного гуманизма, дискредитируя гуманное начало как синоним подлости и трусости, не совершал ли тем самым Фадеев акт самоубийства таланта? Не явился ли нравственный приговор Мечика осуждением писателем самого себя?

<...>